

Имя Владимира Яковлевича Лаверычева (1924—1993) на поприще исторической науки связано прежде всего с исследованиями в области государственно-монополистического капитализма в России. Он автор целого ряда монографий по истории российской буржуазии и пролетариата

Профессор Московского университета, заведующий сектором капитализма Института истории СССР АН СССР, член редколлегии журнала «История СССР», руководитель ряда коллективных исследований — такова канва его пути в исторической науке, которой он был предан до последних своих дней. Свидетельство тому и публикуемая ниже статья.

© 1994 г. В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

«БЕСЕДА» И ТЕНДЕНЦИИ К КОНСОЛИДАЦИИ КОНСЕРВАТИВНЫХ СИЛ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

История кружка «Беседа» не раз привлекала пристальное внимание отечественных историков. Деятельность этой весьма аморфной организации изучалась по преимуществу под углом зрения кристаллизации идейно-политических позиций буржуазно-помещичьего либерализма¹. Значительно слабее освещались связи некоторых участников кружка с консервативно настроенными общественными деятелями и с правящими сферами, хотя нет необходимости доказывать важность такого подхода к освещению проблемы².

Еще в мае 1896 г. П. С. Шереметев во время коронации Николая II в Москве при встрече с Ф. Л. Головиным «горячо говорил о необходимости сплочения оппозиционных общественных элементов, о борьбе земского начала с бюрократическим, о ничтожности личности государя». По мнению Головина, разговор шел о приглашении в состав тайного общества, через несколько лет оформившегося под названием «Беседа»³. Этим предыстория «Беседы», однако, не ограничивалась. Для понимания ее важно напомнить и о попытках некоторых земств при вступлении на престол Николая II представить на высочайшее имя адреса с «домогательствами о предоставлении представителям всех сословий участия в общегосударственном управлении». Такой адрес, в частности, 8 декабря 1894 г. был принят известным своими либеральными традициями тверским земским собранием. В Министерстве внутренних дел усмотрели в нем тенденции «к ограничению самодержавной власти». Поэтому естественно, что в ответ последовали репрессивные акции по отношению к «зачинщикам», одобренные молодым императором, который «начертал» на всеподданнейшем докладе Дурново: «Я чрезвычайно удивлен и недоволен этою неуместною выходкою 35 гласных Губзем. собрания»⁴.

Получив столь недвусмысленный ответ, представители либеральных земских кругов несколько изменили тактику, по существу отказавшись даже от тех скромных политических ходатайств, которые содержались в первых адресах на имя Николая II. Они стали добиваться теперь созыва общероссийского совещания представителей земских управ, указывая на необходимость координации их повседневной практической деятельности. В частности, в адресе орловских гласных определенно указывалось, что такое совещание необходимо в интересах «усиления способов непосредственного удовлетворения многочисленных нужд земской жизни»⁵. Эти просьбы не встретили положительного отклика. Тогда в мае 1896 г. в Москве председатели ряда губернских земских управ пришли к соглашению о частной встрече в Нижнем Новгороде во

время Всероссийской торгово-промышленной выставки. Совещание 18 председателей губернских земских управ состоялось 8—11 августа. Все участники встречи высказывались за периодические совещания, для подготовки которых было избрано бюро, конституировавшееся при Московской губернской земской управе, в составе В. П. Маркова (Петербургская губ.), Н. А. Рачинского (Смоленская), С. А. Хвостова (Орловская), В. В. Хвошинского (Нижегородская) и Д. Н. Шилова (Московская). На ближайшее совещание было решено вынести ряд сугубо практических вопросов (о продолжении ссудных операций Государственного банка под хлеб, о сохранении и расширении его соло-вексельного кредита, об однообразных формах отчетности и счетоводства в земских учреждениях и пр.)⁶.

Однако предложенная на Нижегородском совещании земских деятелей организация совещаний съездов не была разрешена министром внутренних дел, как «нарушающая строй нашего государственного порядка и не соответствующая основной задаче земских учреждений ведать только местные дела губерний и уезда»⁷.

Тем не менее избранное на Нижегородском совещании бюро собралось в конце сентября в Москве на квартире Шилова, где рассматривалась повестка дня очередного совещания, намеченного на апрель 1897 г. в Петербурге. Сведения об этой деятельности вызвали запрос министра внутренних дел к московскому губернатору, который в ответном донесении воспроизвел объяснения председателя Московской губернской земской управы. В них утверждалось, что бюро имеет частный характер, что его не предполагалось делать каким-либо постоянным даже полуофициальным учреждением, что указание об организации бюро при Московской губернской земской управе является технической ошибкой, вкравшейся в журнал Совещания, что было определено лишь собрать членов бюро в Москве, но якобы независимо от управы. В объяснениях далее весьма последовательно проводилась мысль о крайней необходимости регулярных совещаний для «собеседований» руководителей губернских управ по различным вопросам жизнедеятельности земств. В заключение подчеркивалось: «Как происходившие в Нижнем Новгороде, так и предполагаемые в будущем совещания могут иметь, несомненно, характер лишь исключительно частных бесед и обмена мыслей».

Подобные наивные объяснения могли лишь насторожить чинов Министерства внутренних дел, которые, опасаясь консолидации земско-либеральных сил, постарались, чтобы регулярные «беседы» земских деятелей даже по самым невинным вопросам все же не проводились. Поэтому, видимо, в 1897—1899 гг. в земских кругах особенно интенсивно начал обсуждаться вопрос об издании периодического печатного земского органа. Заглавная роль в этом деле также «принадлежала Московскому губернскому земскому собранию и губернской управе. Однако всем подобным ходатайствам Министерство внутренних дел дало решительный отвод. И. Л. Горемыкин 23 июня 1899 г. «не признал возможным разрешить издание в Москве упомянутого органа». Он заявил, что «потребность земства в периодическом органе печати предполагается удовлетворить путем издания с 1 января 1900 г. официального органа при Хозяйственном департаменте вверенного мне Министерства»⁸.

Естественно, что подобное решение никак не могло удовлетворить земских деятелей, ибо их привлекала возможность координации действий и организующих акций через собственный печатный орган, с помощью которого они могли обмениваться мнениями, делиться практическим опытом и пр. Потребность в таких «беседах» к 1899 г. усилилась в связи с нарастанием либерально-оппозиционных настроений. Это и побудило земских деятелей перейти с 17 ноября 1899 г.⁹, т. е. вскоре после отказа Горемыкина разрешить земское издание, к регулярным (конспиративным, по существу) беседам, все более приобретающим политическую окраску. Встречи эти оформились в виде создания «Беседы».

В известной степени о корнях и происхождении этого термина говорилось уже выше, когда отмечалось стремление видных земцев подчеркивать значение их совещаний для бесед по интересующим их вопросам. Не исключено, что закреплению этого термина способствовала и сложившаяся к этому времени практика, ибо наименование «беседа» было принято для частных совещаний губернских предводителей дворянства, достаточно регулярные встречи которых не вызывали возражений в правящих верхах. На одном из таких совещаний новгородский предводитель дворянства Б. А. Васильчиков 26 ноября 1899 г. отмечал, что мысль об ежегодных съездах губернских предводителей дворянства в Москве появилась пять лет назад, т. е. еще в 1894 г., что такие съезды, на которых обсуждались мероприятия по упрочению положения поместного дворянства, под председательством предводителя дворянства Московской губернии П. Н. Трубецкого собирались с 1896 г.¹⁰ Уже в 1898 г. совещания губернских предводителей дворянства получили наименование «бесед». Важно отметить и то, что среди собеседников-дворян были и будущие активные участники кружка «Беседа» (А. М. Стахович)¹¹. Определение «беседа», аналогичное наименованию совещаний губернских предводителей дворянства, хотя и нелегализованного и действовавшего не очень интенсивно, как бы морально оправдывало организаторов официально не разрешенных совещаний представителей буржуазно-помещичьей общественности.

Тот факт, что среди участников кружка «Беседа» преобладали крупные помещики, неоднократно отмечался в исторической литературе. Указывалось также, что среди них были по преимуществу как губернские и уездные предводители дворянства, так и председатели земских управ¹². Однако, на наш взгляд, несколько недооценивается регулярное участие в «Беседе» представителей аристократических семейств, располагавших колоссальными состояниями и пользовавшихся влиянием при царском дворе. Сиятельных фрондеров в полной мере устраивала та цель кружка, которая была сформулирована на первом его заседании: «Пробуждение общественной деятельности, общественного мнения, столь в России слабого и искусственно подавленного, чтобы оно было более авторитетным для Петербурга. Способ достижения этой цели должен заключаться в том, чтобы действовать через земские и дворянские собрания, а также путем печатного и живого слова, после того, как обменявшись мыслями, придут к определенным выводам... Общий лозунг — сочувствие земству и борьба с произволом бюрократии»¹³. Следовательно, задача кружка состояла в некоторой реконструкции существующего строя. Много лет спустя секретарь кружка В. А. Маклаков признавал, что участники его «были связаны с правящим классом, и свои помыслы, естественно, направляли не на свержение, а на оздоровление власти. Они старались проводить свои реформы, опираясь на самодержавную власть, а не стремясь ее ослабить и опрокинуть»¹⁴.

Такая линия в полной мере соответствовала настроениям некоторых авторитетных дальновидных представителей господствующего класса, интуитивно ощущавших невозможность сохранения всех старых порядков в неприкосновенности. В конце XIX в. в связи с нараставшим революционным движением, оживлением оппозиционных настроений в обществе вопросы эти все более тревожили представителей видных аристократических семейств, жизнь, судьба и процветание которых была неразрывно связаны с сохранением российского самодержавия.

Особенно выделяются при этом два упомянутых выше клана, связанных между собой родственными узами. Один из них возглавлял С. Д. Шереметев, имевший в конце XIX в. 151 тыс. дес. земли в 26 имениях, расположенных в 22 губерниях, получавший огромные доходы от ценных бумаг и домов в столице. Общий годовой доход его достигал в начале XX в. суммы в 1 млн руб.¹⁵ Эти огромные доходы являлись основным источником средств не только самого Шереметева и его жены, Е. П. Шереметевой, но и сыновей Дмитрия, Павла,

Бориса, Петра и Сергея Сергеевичей, а также дочерей Анны Сабуровой и Марии Гудович. «Смелянская» ветвь графов Бобринских (Алексей, Андрей и Георгий Александровичи) владела 72 тыс. дес. земли, крупными сахарными и винокурными заводами и значительным пакетом ценных бумаг. Большими материальными средствами располагала и «тульская ветвь» Бобринских¹⁶. Независимо от официального положения, чинов и придворных званий представители того и другого кланов находились в непосредственной близости к царской семье. Они имели возможность оказывать определенное влияние на формирование политики самодержавия и неофициальным путем. Показательно, в частности, что дети С. Д. Шереметева «с детства были товарищами по играм, препровождению времени с наследником — будущим царем Николаем II»¹⁷.

Представители этих аристократических семейств не только не чурались вопросов большой политики, но и всячески стремились активно внести свой вклад в дело укрепления самодержавного строя. Так, в тревожные для правящих верхов дни после смерти Александра II между С. Д. Шереметевым и К. П. Победоносцевым происходил оживленный обмен письмами, в которых решительно осуждались даже те умеренно-конституционные проекты, которые в это время появлялись в буржуазно-помещичьем обществе, отвергались попытки каких-либо реформ¹⁸. Однако после торжества реакции у Шереметева наблюдалось известное «полевение». Он обнаруживает определенную тенденцию к отходу от политических кругов, вдохновлявшихся Победоносцевым.

Определенную роль при этом сыграл и голод 1891—1892 гг., вызвавший большую тревогу в правящих верхах. В письме С. Д. Шереметева к И. М. Воронцову, дочь которого стала вскоре женой его младшего сына, летом 1892 г. утверждалось: «Неужели в борьбе с неурожаем и голодом возможно успокоиться на одной благотворительности? Положение серьезно и нужно подумать. Мы видим, какими путями действуют люди беспорядка и анархии, чтобы при каждом удобном случае действовать на массы и приучать их к вооруженному протесту против представителей власти... Голод самая благодатная почва для всяких смут и это не ново. Благополучие крестьянского населения есть основа порядка и священная забота правительства, но возможно ли оно при существующих условиях их быта при общинном землевладении? Вопрос этот сложный и очень важный и после освобождения крестьян едва ли это не самый существенный вопрос, стоящий на очереди. Трудно и нежелательно решать его без подготовки, но выдвинуть для разработки было бы настоятельно и своевременно. Полумеры не достигают цели, а время не ждет»¹⁹.

С. Д. Шереметев и его высокопоставленные единомышленники смогли, видимо, постепенно соответствующим образом подготовить Николая II. Когда во всеподданнейшем отчете за 1898 г. петербургский губернатор совершенно определенно высказался в этом духе, царь уже был подготовлен к восприятию новых идей. Губернатор заявил: «Вполне отдавая себе отчет в немаловажных затруднениях, могущих представиться на пути перехода от одной системы владения землею к другой, я тем не менее полагаю, что бережливости, трудолюбия и любви к своему хозяйству, а вместе с тем и уважения к чужой собственности, можно ожидать только от полного собственника, умеющего ценить как свой, так и чужой разумный труд, и что истинный прогресс в крестьянском хозяйстве наступит только с момента отказа правительства от общинной системы владения землей». По поводу этих утверждений Николай II высказался кратко, но вполне определенно: «Я так же думаю»²⁰.

Сам С. Д. Шереметев имел возможность воздействия на царя не только через своих ближайших друзей (Д. С. Сипягина в первую очередь, который, будучи министром внутренних дел, регулярно устаивался чести быть приглашенным на семейные завтраки и обеды к Николаю II), но и непосредственно,

во время частных бесед²¹. Любопытные сведения содержатся в черновом варианте статьи С. Д. Шереметева по поводу смерти Д. С. Сипягина. Рассказывая о событиях, связанных с назначением того товарищем министра внутренних дел, он писал: «Живо помню тот день, когда я, проходя через уборную государя к закуске, был им остановлен со словами: „Как я рад новому назначению!“ Это относилось до Сипягина, а когда я высказал свою радость, он добавил: „Тем более, что он там и останется“. Эти слова ясно указывали на дальнейший путь и я был одним из тех, кто слышал эти слова Александра III,— относительно Сипягина — и я был не один». Однако Николаю II по его собственному выражению «подсунули» И. Л. Горемыкина. «Это было делом Победоносцева и отчасти Муравьева, подготовившего на случай Горемыкина и временно с ним примирившегося»²². Сипягин стал министром внутренних дел позже, но его карьера неожиданно для его единомышленников оборвалась.

Тем не менее он успел оказать немаловажные услуги своим друзьям. В частности, по его представлению Николай II горячо одобрил идею создания «Общества ревнителей русского исторического просвещения», инициаторами создания которого были С. Д. Шереметев и граф А. А. Голенищев-Кутузов, поэт по призванию и управляющий Дворянским и Крестьянским банками по служебному положению. При утверждении устава этого общества последний российский самодержец проявил несвойственную ему эмоциональность, написав: «Дай Бог успеха этому святому делу, которому я буду сочувствовать всей своей душой»²³. На обеде к Д. С. Сипягину, где присутствовал царь, приглашались Шереметевы²⁴. В переписке Сипягина с Шереметевым обсуждались злободневные вопросы повседневной действительности. Сипягин сообщал, в частности, С. Д. Шереметеву 28 января 1902 г.: «Ты пишешь, что мы переживаем тяжелое время,— да, это правда! Но тем более мы обязаны жить, действовать и стараться его сделать менее тяжелым,— это наша священная обязанность, и уходить от дела теперь — это равносильно побегу с поля битвы»²⁵.

С. Д. Шереметев пользовался большим уважением вдовствующей императрицы Марии Федоровны²⁶, являясь ее постоянным собеседником и корреспондентом. Не исключено, что назначение П. Д. Святополк-Мирского министром внутренних дел (Мария Федоровна горячо рекомендовала эту кандидатуру своему сыну) готовилось не без участия С. Д. Шереметева и всего аристократического кружка Шереметевых — Бобринских²⁷.

В конце XIX в. в господствующих верхах среди убежденных сторонников незыблемости самодержавного строя оформлялись различные течения, выступавшие за его реформирование при сохранении и укреплении его коренных основ, против чиновничьего бюрократизма, якобы умалявшего власть и права самодержца. Об этом свидетельствует и заявление известного в свое время консервативного журналиста А. А. Пороховщикова, издававшего верноподданнический орган «Русская жизнь», который министр внутренних дел закрыл без объявления мотивов. В связи с этим в письме к А. А. Бобринскому от 7 марта 1895 г. Пороховщиков сетовал на произвол царских чиновников (С. Ю. Витте, в частности), задержавших также изданную им в Берлине брошюру, рассылающуюся высокопоставленным лицам в Петербурге²⁸. По всей видимости, идеи противодействия чиновничьему всевластию при поддержке широких слоев народа получили известный положительный отклик в правительственных и придворных кругах. В начале 1901 г. в письме к Д. С. Сипягину Пороховщиков сообщал о том, что «Русская жизнь» могла бы многое сделать в интересах правительства, включая публикацию писем Иоанна Кронштадтского и священника Петрова. При этом свою цель он видел не в том, чтобы «словом-проповедью остановить толпу русскую, студентами руководимую», полагая, что «тут, конечно, одна физическая сила остановить может». Однако публицист все же признавал возможным «разредить толпу»²⁹. Этим он и пытался

заниматься, стремясь «укреплять» верноподданнические взгляды и религиозно-нравственные чувства у читателей своей газеты.

При поддержке различных влиятельных покровителей Пороховщиков удостоился даже личного внимания царя. Известный придворный авантюрист кн. М. М. Андроников 11 апреля 1904 г. сообщал С. Ф. Шарапову: «Здесь А. А. Пороховщиков. Он часто посылает свои записки Государю, которые читаются. Сегодня, кажется, его даже принимают»³⁰.

Аналогичные записки на имя царя и членов императорской фамилии представлял С. Ф. Шарапов, старый сотрудник И. С. Аксакова по изданию «Руси», претендовавший на роль одного из теоретиков неославянофильства, хотя и изживший к этому времени остатки умеренного либерализма в своих взглядах. Свои взгляды на необходимость обеспечения устоев самодержавия он излагал в ряде пространных докладов и в брошюре «Самодержавие и самоуправление», опубликованной сначала в Берлине, а затем и в России. Труды эти привлекли внимание при дворе и Шарапов был даже удостоен аудиенции у царя³¹.

В своей брошюре, ссылаясь на авторитет И. С. Аксакова, объявленного им своим соавтором, Шарапов доказывал, что в целях укрепления самодержавия необходимо покончить со всевластием чиновной бюрократии, которая есть причина всех бед и зол в жизни страны. Выход из положения он усматривал в осуществлении под надзором верховной власти местного земского самоуправления и в обеспечении свободы слова и печати, хотя и в весьма ограниченных пределах. В заключении утверждалось: «Остается одно: правильный земский строй, уже спасший Россию в 1612 году и блистательно возродивший ее государственность. Этот земский строй не может сложиться иначе, как в форме крупных самоуправляемых областей, связанных воедино самодержавием»³².

По всей видимости, идея развития земского самоуправления под контролем правительственных органов получила определенную поддержку и в официальных кругах. Под этим углом зрения можно рассматривать и решение об использовании земств в качестве местных органов Министерства земледелия и государственных имуществ, а также и проекты И. Л. Горемыкина ввести земские учреждения на окраинах. Против более широкого использования земства, как известно, выступили не только крайние реакционеры, но и министр финансов С. Ю. Витте. По его мнению, в одной из записок Горемыкин при обосновании предлагаемого проекта утверждал, что начала самоуправления, издавна существовавшие якобы в России, не имели и не могут иметь политического характера, а поэтому не связаны с каким-либо посягательством на устои самодержавия и попытками введения конституционного строя³³. Витте, с одной стороны, упрекал Министерство внутренних дел в противодействии и ограничении деятельности земств, а с другой — отвергал предлагаемую ведомством идею развития и расширения земского самоуправления, противопоставляя им какой-то третий путь сугубо административных реформ, предполагая привлечь на сторону самодержавия известную часть либерального общества³⁴.

Эта линия определенными кругами продолжалась и при подготовке общественных проектов расширения земского самоуправления. Она отчетливо проявилась и в только что возникшем кружке «Беседа». Уже на втором его заседании 4 января 1900 г. сын С. Д. Шереметева, Павел, сообщил, что ему удалось приобрести за сто рублей секретную записку С. Ю. Витте, вскоре она была опубликована за границей под названием «Самодержавие и земство». На последующих заседаниях кружка в 1900—1902 гг. П. С. Шереметев упорно проводил «славянофильскую» линию на сохранение самодержавия при создании общегосударственного земского совещательного представительства. Интенсивно обсуждавшийся в «Беседе» вопрос об издании периодического органа он также предлагал решать в соответствующем духе, т. е. создать чисто земский печатный орган. Когда же в кружке верх взяли иные силы,

то при обсуждении программных статей готовящегося «Освобождения» Шереметев в мае 1902 г. твердо выступил против конституционных устремлений, полагая, что создание «правового порядка» возможно и при самодержавии. По мере усиления в «Беседе» роли сравнительно радикальных элементов, он выступает более категорично и в январе 1903 г. даже заявляет о возможности своего выхода из кружка, так как, по его мнению, «Беседа» сбивается со своего пути. Позицию П. С. Шереметева активно поддерживал М. А. Стахович. На заседаниях кружка присутствовали также представители обеих ветвей Бобринских (А. А. Бобринский и В. А. Бобринский)³⁵.

Бурное обсуждение в рамках «Беседы» вопросов программы и тактики оппозиционной борьбы в какой-то степени способствовало идейному и организационному оформлению российского либерализма. Но с другой стороны, активное противодействие умеренной части кружка сколько-нибудь реальным оппозиционным самодержавию акциям не могло не сбивать темпа организационного оформления либерального движения как самостоятельной и реальной политической силы, способной к плодотворной общественной и государственной деятельности. Объективно умеренные выступления П. С. Шереметева и его сторонников больше притормаживали процесс либерализации российского общества, задерживая неустойчивые и нерешительные элементы в сфере воздействия проправительственных сил, правого политического лагеря. Они, с другой стороны, свидетельствуют о недостаточно четко определенном до революции 1905—1907 гг. разграничении между буржуазно-либеральным и правым, правительственным лагерем.

Влияние представителей консервативного направления сохранялось и по отношению к более радикальным элементам, склонным общественную деятельность Шереметева оценивать весьма высоко. В этом отношении показательна речь будущего лидера кадетов Ф. Ф. Кокошкина в январе 1902 г. на обеде звенигородского дворянства по случаю избрания П. С. Шереметева уездным предводителем на второе трехлетие: «Три года назад мы надеялись на Вас; теперь мы знаем Вас, мы знаем прежде всего, какое возвышенное представление имеете Вы о русском дворянстве, о его исторической роли и современном значении. Мы знаем, что сохранение поместного дворянства Вы считаете необходимым условием правильного развития русской государственной и общественной жизни. Но нам известно, также, что Вы не ограничиваете задачи дворянства одним самосохранением, что Вы ставите еще более широкую цель — радение и представительство о нуждах всего народа. Ибо в этом — смысл и оправдание всякого привилегированного положения, всякой аристократии»³⁶.

Учитывая активность П. С. Шереметева в сфере общественной деятельности, и в том числе в кружке «Беседа», важно выяснить, в какой степени он действовал самостоятельно, сам по себе, или же являлся своеобразным полномочным представителем группы высокопоставленных и авторитетных лиц, встревоженных обострением внутреннего положения в стране.

Выше уже упоминалось о том, что отец П. С. Шереметева был далеко не безразличен к этим вопросам. Это касалось и его ближайших друзей, занимавших ключевые позиции в аппарате государственного управления. Трудно представить, чтобы столь смелая для представителя высшей аристократии акция (участие в нелегальной организации оппозиционного характера) была предпринята только по собственной воле. Сам этот факт, на наш взгляд, нельзя оценивать лишь как проявление известной отчужденности «во взаимоотношениях власти и ее союзника дворянства»³⁷. Объяснение связано с более сложными процессами. Он связан с известным фрондерством, т. е. с попытками влиятельных аристократических кругов предпринять некоторые шаги по модернизации самодержавного строя, одновременно придав им более демонстративный, формальный характер.

В связи с этим нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство,

что одновременно с кружком «Беседа» в Петербурге постепенно приобретал политическую окраску другой, сравнительно малочисленный кружок. Еще на рубеже 70—80-х гг. XIX в. братья Н. П. и А. П. Барсуковы в своей квартире регулярно проводили встречи своих верноподданнически настроенных единомышленников, на которых велись беседы на различные религиозные и морально-этические темы. С самого начала наиболее видными участниками кружка были П. П. Вяземский, его зять С. Д. Шереметев, Д. Н. Майков, А. Ф. Бычков, Д. Ф. Кобеко и др.³⁸ По свидетельству самого Н. П. Барсукова, постоянным гостем в их доме бывал государственный контролер Т. И. Филиппов, а переписка его брата, показывает, что внимание им уделял и К. П. Победоносцев³⁹. Как писал участник встреч Д. Н. Корсаков, «предметом бесед главным образом были вопросы из области „прошлой“ духовной жизни России, причем оживленно рассказывали случаи и анекдоты из мира книжного и обихода ученой братии; современных вопросов, общественных и политических, касались мало, но не обходили совершенно». В конце 1890-х гг. «барсуковские» беседы все больше политизировались⁴⁰.

Участники кружка регулярно, приблизительно один раз в месяц, собирались в большой комнате, украшенной изображениями патриархов, митрополитов, архимандритов и прочих священнослужителей, получившей поэтому наименование «Патриаршей палаты». Участники же встреч себя частенько именовали «иноками» или «братией» этой палаты. Роль секретарей, приглашавших на встречи и трапезы выполняли А. П. и Н. П. Барсуковы, тесно связанные (в том числе и регулярной перепиской) с С. Д. Шереметевым⁴¹.

По всей видимости, традиционные трапезы, карточные сражения и даже моления не препятствовали серьезным беседам. Так, 14 февраля 1900 г. «братия Патриаршей палаты» чествовала товарища министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского. Среди присутствовавших были С. Б. Шереметев (член Государственного совета), С. С. Шереметев, А. П. Струков (губернский предводитель Екатеринославского дворянства), граф В. В. Мусин-Пушкин (управляющий Дворянским и Крестьянским банками), князь Н. В. Шаховской (начальник Главного управления по делам печати), князь И. А. Нахашидзе и Барсуковы. На следующих собеседованиях «братии» наряду с мужской частью семейства Шереметевых, графом А. В. Гудовичем, гофмейстером П. Д. Ахлестышевым, князем М. Е. Путятиным и сенатором Свербеевым бывали и женщины: графиня Е. П. Шереметева (урожденная кн. Вяземская), княгиня Святополк-Мирская (урожденная гр. Бобринская, племянница графини А. А. Шереметевой), графиня И. И. Шереметева (урожденная Воронцова-Дашкова), графиня М. С. Гудович (урожденная Шереметева), А. П. Сипягина, Н. Д. Ден (сестра Святополк-Мирского), Регулярно появлялся здесь и Павел С. Шереметев, а 28 декабря 1901 г. он даже совместно с А. А. Бобринским рассказывал о путешествии на Белое озеро. Постепенно круг участников встреч расширялся. На них побывали и некоторые деятели культуры (художники Н. П. Богданов-Бельский и И. З. Панов). С начала XX в. регулярным посетителем становится издатель «Московских ведомостей» В. А. Грингмут⁴².

Стабильный состав регулярно приглашаемых в «Патриаршую палату» дает основание предположить, что в квартире Барсуковых оформлялся своеобразный политический клуб. Здесь, участвуя в исполнении религиозных обрядов и в трапезах, проводя время за карточным столом, представители известных аристократических семейств получали возможность непринужденно общаться и беседовать не только между собой, но и с нужными людьми иного круга, минуя сковывающие их в других местах нормы придворного и сословного этикета. Естественно, что никаких протоколов собеседований не велось. О содержании их можно догадываться лишь по отдельным высказываниям, содержащимся в переписке.

В частности, А. П. Барсуков писал 20 апреля 1899 г. П. Д. Святополк-Мирскому после одной из очередных встреч: «Университетский кошмар про-

должает гнести всех. Так называемое „сообщение“ не только не успокоило, напротив того, решительно смутило всех друзей порядка крайнею бестолковостью и бездарностью. С тягостным чувством наблюдается, что вообще утратилась государственная точка зрения, что утрачено дерзновение говорить властно»⁴³. Все большую роль в этом маленьком политическом клубе начинали играть новые люди, ориентированные на политическую деятельность. В. А. Грингмут имел довольно регулярные отношения (визиты, поздравления и пр.) с Н. П. Барсуковым. С ним переписывался и Л. А. Тихомиров, становившийся в это время главным теоретиком правых сил по рабочему вопросу. 30 января 1903 г. он писал Н. П. Барсукову по поводу церковного управления в России: «Я очень рад, что моя брошюра вызвала Ваше сочувственное внимание. Это, к сожалению, весьма запущенная у нас болезнь, так что у нас уже и не думают об ее лечении. Между тем в ней источник слабости церковного воздействия на народный дух. Отсюда большие опасности для государства. Прежде это не так угрожало, ибо народ по невежественности ничего не замечал и не рассуждал. Теперь иное время. Нужно быть на высоте своих идеалов и своей правды, если мы не хотим дожидаться, чтобы народ стал искать правду там, где слово не расходится с делом»⁴⁴.

«Братия Патриаршей палаты» с восторгом встретили назначение Сипягина министром внутренних дел вопреки мнению К. П. Победоносцева, который, видимо, опасался закрепления на этом ответственном посту человека, имевшего поддержку влиятельных аристократических кланов и лично хорошо известного императору. Удовлетворение по поводу неудачи коварных происков обер-прокурора Святейшего синода было выражено в письме Н. П. Барсукова П. Д. Святополк-Мирскому 19 ноября 1899 г.⁴⁵ Не менее горячо организаторы встреч приветствовали самого Святополк-Мирского в связи с его назначением на должность министра внутренних дел через несколько лет⁴⁶. С. Д. Шереметев в ответ на поздравления Н. П. Барсукова в связи с этим событием заявлял: «Под историческою минутою, Вы, очевидно, разумеете то, о чем вчера 27 "августа узнала вся Россия. Назначение князя Мирского есть поворот к старине, когда Государи наши назначали в министры людей, известных им с детства»⁴⁷.

Своими переживаниями Святополк-Мирский в период, когда решался вопрос о его назначении (после аудиенции у Николая II), делился с тетей своей жены А. А. Шереметевой: «Принят я был,— писал он 19 августа 1904 г.— удивительно милостиво. Беседа продолжалась очень долго. Курили папиросы, беседовали о разных серьезных вопросах, но никакого предложения сделано не было. И я до сих пор не могу решить — передумали ли, отложили ли, или никогда не думали об этом. Последнее довольно трудно предположить, принимая во внимание разговор с М[арией] Ф[едоровной]»⁴⁸. Что касается роли «барсуковского» кружка, то обращает на себя внимание и такой факт: незначительные по своему положению личности, какими являлись Барсуковы, приглашались «обедать» в дом Святополк-Мирского, когда он стал министром⁴⁹.

Участие в этом узком сравнительно кружке издателя «Московских ведомостей» В. А. Грингмута дает основание предположить, что политическое направление этой газеты в первые годы XX в. соответствовало взглядам его основных представителей. Некоторые настойчиво проводившиеся в газете Грингмута положения как бы перекликались, в частности, с интенсивной деятельностью П. С. Шереметева и его единомышленников в земском движении. Газета в передовой статье «Общий враг» доказывала необходимость сотрудничества общества с правительством для «поддержания в стране порядка, для борьбы со смутой умов» и против деятельности тайных организаций, являющихся для них общим врагом⁵⁰. Идеологи самодержавия решительно высказывались против централизации земского дела и развития земского самоуправления, объективно посягавших на устои самодержавной власти,

твердили о необходимости «оздоровления России», понимая под этим укрепление существующего государственного и общественного строя⁵¹.

Связь «Московских ведомостей» с семействами, участвующими в «барсуковском» кружке, этим не ограничивалась. Так, еще в 1898 г. в газете появилась серия статей Д. Н. Святополк-Мирского (под псевдонимом «Д. Н.— С.-М.») с путевыми заметками — размышлениями о путешествии по Франции и Германии, содержащими некоторые оценки, отражавшие настроения российских аристократов (интерес к формам борьбы против социализма, критика изъянов буржуазной демократии во Франции и пр.)⁵².

Упомянутый выше демарш П. С. Шереметева на заседании «Беседы» хронологически совпадает с теми сведениями, которые получил руководитель кружка Павел Д. Долгоруков, о раздражении в правящих верхах по поводу деятельности «собеседников». Недовольство министра внутренних дел вызывали все более определявшиеся конституционные устремления радикальной части «Беседы», о которых он получил своевременную информацию. Хотя в письме к Трубецкому (видимо, Петру Дмитриевичу — московскому губернскому предводителю дворянства) П. Д. Долгоруков пытался опровергнуть оценку В. К. Плеве, все же следует признать, что министр был достаточно точен⁵³. На наш взгляд, не исключено, что необходимая информация им могла быть получена и через «братию Патриаршей палаты».

Сама форма предупреждения радикальной части «Беседы» в связи с чрезмерно активной и весьма нежелательной, разумеется, с точки зрения царских чиновников, деятельностью свидетельствует о том, что речь шла об ограничении, а не о полном ее пресечении. Применять более решительные меры даже Плеве, столь прямолинейный и твердый человек, не считал целесообразным. По всей видимости, это определялось двумя соображениями. Во-первых, благодаря «Беседе» сохранялся один из источников информации о настроениях буржуазно-либеральных кругов. Во-вторых, оставалась возможность воздействия консервативных элементов на буржуазно-оппозиционное движение изнутри. Хотя следует признать, что эффективность того и другого по мере нарастания оппозиционных настроений, усиления буржуазно-либерального движения, создания новых организаций («Союза Освобождения», союза земцев-конституционалистов и пр.) все более ослабевала.

Не удовлетворяясь «Беседой», консервативные круги Петербурга и Москвы создали еще в 1901 г. легальные организации, формально «неполитического характера», преследовавшие, однако, вполне определенные политические цели — сплочение русского народа на основе идеи укрепления самодержавного строя. В Петербурге таковой стало «Русское собрание», а в Москве — «Кружок московских дворян, верных присяге». Идеологами последнего кружка являлись Ф. Д. Самарин, С. Ф. Шарапов, А. Г. Щербатов (президент Московского общества сельского хозяйства). Участники его допускали даже некоторые реформы, необходимые в интересах укрепления самодержавного строя (созыв Земского собора и пр.). Однако общественно-политическое влияние вновь созданных организаций было крайне незначительным⁵⁴.

Наращение революционного кризиса в стране заставило и сторонников самодержавия расширять арсенал средств, пригодных, по их мнению, для того, чтобы сбить накал антиправительственных выступлений. Поражение в русско-японской войне еще более обострило политическую обстановку в стране. П. Д. Святополк-Мирский, назначенный вместо убитого Плеве министром внутренних дел, заявил о необходимости доверия к «общественным учреждениям», смягчения цензуры над либеральной печатью и ослаблении надзора за деятельностью земств. Эти шаги в земско-либеральных кругах были встречены с восторгом. Они укрепляли иллюзии о возможности получить из рук самодержавия (как указывалось в записке, представленной земским деятелем после ноябрьского съезда 1904 г.) «политическую свободу России на началах народного представительства»⁵⁵.

И решения земского съезда, и нарастание революционных настроений побудили Святополк-Мирского пойти дальше навстречу «законным желаниям общества», чем это, видимо, первоначально допускалось собеседниками «Патриаршей палаты». Побудительный мотив был один: «обеспечить внутреннее успокоение, столь необходимое именно теперь, в переживаемую нами годину военных и политических испытаний». В записке, представленной им царю, предлагалось, не посягая на основы самодержавия, привлечь представителей различных групп населения к подготовке новых законов, обеспечить в России законность и веротерпимость⁵⁶. С. Д. Шереметев в это время оставался на более умеренных позициях, а Святополк-Мирского в его намерениях активно поддерживал близкий родственник — А. А. Бобринский⁵⁷.

При обсуждении предложений Святополк-Мирского против законопроекта выступили твердые консерваторы (К. П. Победоносцев, Н. В. Муравьев, вел. кн. Сергей Александрович и др.). С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов указывали на несовместимость принципа привлечения выборных от общественных учреждений к делам законодательства с основами самодержавия. В конечном итоге этот пункт из указа, подписанного царем 12 декабря 1904 г., был изъят. В указе заявлялось лишь о постепенном уравниении прав крестьянства с правами других сословий, о введении государственного страхования рабочих, о расширении функций земских и городских учреждений, о смягчении политики по отношению к евреям и раскольникам и об ослаблении цензурных ограничений⁵⁸.

Однако этих мер для «умиротворения» страны было уже явно недостаточно. Наиболее дальновидные представители дворянства это сознавали. Московский губернский предводитель дворянства П. Н. Трубецкой в связи с либеральным адресом, принятым московским земством, в письме к П. Д. Святополк-Мирскому 15 декабря 1904 г. доказывал: «Я горячо убежден всеми силами своей души, что пожелаю Государь доверчиво сплотить эти силы (сословные и общественные.— В. Л.) вокруг себя, Россия избавится от всех ужасов нависшей над ней кровавой смуты, поддержит своего царя и его самодержавную власть и волю»⁵⁹. Стремясь предотвратить народную революцию, верноподданное дворянство убеждало в необходимости минимальных уступок, привлечения в интересах самодержавия сил буржуазно-помещичьей общественности к управлению страной.

«Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. всколыхнуло всю страну. Бурный рост революционного движения, «порозовение» либеральной буржуазии заставляли и проправительственные круги предпринимать более решительные шаги в целях укрепления самодержавного строя, не выходявшие, однако, за пределы поверхностного, косметического ремонта фасада разрушавшегося здания абсолютистской монархии, предпринимать усилия в направлении консолидации правого лагеря. Особенно они активизировались после царского рескрипта Булыгину.

Заметная роль в этом деле принадлежала Павлу С. Шереметеву. К весне 1905 г. по его, видимо, инициативе, оформляется так называемый «Отечественный союз». Цель организации определялась следующим образом: «Содействовать всеми законными средствами единению Церкви, Престола, радея честно и совестливо о всяком царском и народном деле по правде Божьей и в единомыслии с Государем. Стараться правильно выполнять Царскую волю и бескорыстно выбирать по первому Государеву призыву истинно достойных людей. Всеми мерами и способами способствовать одолению внешнего врага, успокоению нашей внутренней смуты и водворению правды, порядка и закона». Во избежание кривотолков в листовках-обращениях от имени учредителей Союза также пояснялось: «Образуемый союз единомысленных русских людей всех сословий, непоколебимо убежденных в нераздельности самодержавия с благом России, должен стремиться по мере сил к тому, чтобы возвещанную правительством реформу не исказили ее противники и

чтобы она не привела к умалению самодержавной власти, а к вящему ее укреплению». Поэтому Союз должен был оказывать «противодействие всеми законными средствами течению, стремящимся навязать России чуждые ей формы правления»⁶⁰.

Если формально Союз объединял представителей всех сословий, то руководящая роль в нем принадлежала аристократической верхушке. Помимо Павла С. Шереметева, в него входили Петр С. и С. Д. Шереметевы, В. М. Волконский, В. С. и С. Б. Мещерские, А. Г. Щербатов, А. В. Гудович, П. П. и В. Д. Олсуфьевы и др. Вошли в него и такие публицисты определенного толка, как С. Ф. Шарапов и А. М. Катков. Но наряду с ними в составе Союза мы видим также представителей старшего поколения московского купечества: С. И. Мамонтова (один из учредителей Союза!), В. В. Якунчикова, П. П. Патрикеева, В. С. Баршева, А. В. Бурьшкина и др.⁶¹

Несколько в ином направлении действовали Бобринские. С самого начала революции А. А. Бобринский, как свидетельствуют письма к нему В. И. Гурко и К. Ф. Головачева, находился в центре создаваемой при его активнейшем участии праводворянской организации — будущего Союза объединенного дворянства⁶². Это не мешало ему принимать посильное участие и в делах «Отечественного союза», основные идеи которого в прессе определялись даже не как славянофильские, а как «дворянофильские». Тем не менее А. А. Бобринский занимал все же более либеральные позиции и пытался проводить более радикальную линию, что, по свидетельству его сестры Е. А. Святополк-Мирской, вызывало раздражение С. Д. Шереметева⁶³. В начале 1906 г. Алексей А. Бобринский и его брат, Андрей А. Бобринский, заняли видное место в организующейся в Петрограде предпринимательской, «прогрессивно-экономической» партии⁶⁴. Такой «зигзаг» не случаен. Они давали себе отчет в родстве основополагающих идей «Союза 17 Октября», который впитал преобладающую часть членов «прогрессивно-экономической» партии, с идеями политических формирований правого лагеря. Выступая на выборах во II Государственную думу, А. А. Бобринский утверждал: «Конечно, правых будет больше, чем в Первой думе. Это несомненно, но все же большинство будет революционное. Это тем виднее, что к числу правых я причисляю всех полурешительных, например, партию Союз 17 Октября. По душе, по чутью, по Гучкову, она ведь правая, но половина партии этого не понимает и считает себя левою. Пройдет еще много времени, пока октябристы не осознают, наконец, что они правые и не станут открыто на нашу сторону...»⁶⁵.

Радикализм Бобринских был не случаен. Он отражал то беспокойство, которое обнаруживалось в дворянско-помещичьих кругах летом 1905 г. Собравшиеся 12—16 июня «для обмена мыслями относительно современного положения России» 26 губернских предводителей дворянства признали, что «положение это не только тревожное, но и грозное», что страна находится «в преддверии анархии». Поэтому они высказались за «немедленный приступ к созыву народных представителей»⁶⁶. Однако их мнение не отражало еще позиции всего дворянства. Тот же С. Ф. Шарапов обвинил предводителей не только в неверном и недостойном тоне, но и в трусости, не украшающей гражданина, видящего свое отечество в опасности⁶⁷. По всей видимости, он выражал взгляды целой группы авторитетных дворянских деятелей, которые в начале 1905 г. решительно высказались не только против конституции, но и против представительных учреждений совещательного характера. Они полагали, что те «при настоящих условиях окажутся столь же опасными, как и учреждения чисто конституционные». В числе подписавших соответствующее обращение были Д. А. Хомяков, Ф. Д. Самарин, В. А. Голицын, Л. Б. Мансуров, Ф. Уваров, а также лица и недворянского происхождения — К. В. Рукавишников, В. М. Васнецов и пр.⁶⁸ В данном случае для нас не имеют особого значения разногласия и расхождения между различными

течениями правых, проправительственных кругов. Poleмика между ними, как это уже показал Ю. Б. Соловьев, иногда приобретала весьма острый характер. Важно отметить другое: не все пожелания тех или иных правых кругов с одобрением воспринимались в правящих верхах, а «самодеятельность» их, иногда не умещавшаяся в рамки самодержавного строя, приводила к конфликту с бюрократическим аппаратом⁶⁹. Поэтому усилия авторитетных консервативных кругов, направленные на расширение социальной базы самодержавного строя, успокоение встревоженного буржуазного общественного мнения, определенную канализацию деятельности буржуазно-оппозиционных кругов, были обречены на неудачу. Самодержавный строй был несовместим со сколько-нибудь серьезными попытками развития самодеятельности даже привилегированных слоев населения в сфере политической жизни.

С другой стороны, известная активность самых умеренных элементов общества все же способствовала пробуждению отсталых слоев купечества и объективно не могла не ослаблять существующий режим. Однако все попытки дворянско-аристократических кругов подчинить своему влиянию капиталистов все же не дали положительного результата. Неославянофильские идеи, в социально-экономических и политических условиях XX в. все более сливавшиеся с официальной идеологией (православие, самодержавие, народность), уже не могли даже в ограниченных пределах сколько-нибудь последовательно выражать классовые интересы крупной буржуазии, стремившейся к более радикальным преобразованиям государственного и общественного строя России.

Примечания

¹ См.: Черменский Е. Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905—1907 гг. // История СССР. 1965. № 5; его же. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М. 1970; Красавин А. С. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В. А. Маклакова // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970; его же. Протоколы кружка «Беседа» как источник по истории земско-либерального движения // Московский историко-архивный институт. Научная студенческая конференция. Май 1970 г. Материалы. Вып. 1. Источниковедение истории СССР. М., 1970; Шацилло К. Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза Освобождение» в фонде Д. Н. Шаховского // Археографический ежегодник за 1974 год. М. 1975; его же. Новое о «Союзе Освобождение» // История СССР. 1975. № 4; его же. О составе русского либерализма накануне революции 1905—1907 годов // История СССР. 1980. № 1; его же. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация, программы, тактика. М. 1985; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981 и др.

² Некоторые интересные сведения по этому вопросу содержатся в статье: Королева Н. Г. Правые партии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. // Исторические записки. Т. 118. 1990.

³ Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. С. 36—37.

⁴ РГИА, ф. 919, оп. 2, д. 598, л. 1—2.

⁵ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 2289, л. 1

⁶ Журнал Совещания председателей губернских земских управ в Нижнем Новгороде с 8—11 августа 1896 г. М., 1896. С. 1—5.

⁷ РГИА, ф. 1287, оп. 27, д. 284, л. 5.

⁸ РГИА, ф. 1287, оп. 27, д. 284, л. 5; д. 352, л. 11 — 13, 16—17, 19—20, 37, 88, 112.

⁹ Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. С. 37.

¹⁰ ЦГИА г. Москвы, ф. 380, оп. 3, д. 75, л. 161.

¹¹ Там же, д. 72, л. 82.

¹² Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 18.

¹³ Шацилло К. Ф. О составе русского либерализма накануне революции 1905—1907 гг. С. 67.

¹⁴ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 19.

¹⁵ А н ф и м о в А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969. С. 304—305, 386.

¹⁶ Там же. С. 310, 387; РГАДА, ф. 1287, оп. 2, д. 2, 15, л. 32; РГИА, ф. 899, оп. 1, д. 141, л. 3-4; д. 162, л. 1—2, 6.

¹⁷ Из дневника Половцова // Красный архив. 1934. № 6 (67) С. 174. Запись 6 ноября 1894 г.

¹⁸ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 1335, л. 79—85.

¹⁹ Там же, д. 6326, л. 6. Следует заметить, что в кругах российских латифундистов вопрос о судьбе общины в пореформенные годы ставился неоднократно. Так, Первый всероссийский съезд

сельских хозяев-помещиков, состоявшийся в 1865 г. в связи с 10-летнем Вольного Экономического общества, уже обсуждал вопрос о несовместимости общины с прогрессом сельского хозяйства, однако не пришел к какому-либо единому заключению. «Противообщинные» настроения усилились вследствие неурожая 1869—1870 гг. В 1872 г. была создана «Высочайше учрежденная для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской промышленности в России комиссия» во главе с П. А. Валуевым. В заключении Комиссии было признано, что «общинное владение, когда оно сопровождается частыми переделами полей, и круговая порука, со всеми неизбежными ее последствиями, задерживают естественное развитие производительности труда» (Доклад Высочайше учрежденной комиссии по исследованию нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности труда. СПб., 1873. С. 41). Однако, хотя предложения Комиссии в 1874 г. были в принципе одобрены Комитетом министров и Александром II, к пересмотру законодательства так и не приступали. Попытка частичного решения этого вопроса Н. П. Игнатьевым в 1882 г. также не имела успеха (См.: Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России. 60—70 годы XIX в. Л., 1972). Тем не менее следует учесть, что в середине 1870-х гг. в правящих верхах существовала авторитетная группировка сохранения общинного землевладения в России во главе с начальником III отделения П. А. Шуваловым (Там же. С. 163—164).

²⁰ РГИА ф. 1 (библиотека), оп. 1, д. 6326, л. 6.

²¹ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 239, л. 209; д. 240, л. 35; д. 241, л. 112, 203; д. 242, л. 179.

²² РГИА, ф. 721, оп. 2, д. 16, л. 6—7.

²³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 1553, л. 85; Г. С. Ш. [Шереметев С. Д.]. Граф Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов. СПб., 1914. С. 2.

²⁴ РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 80, л. 71.

²⁵ Там же, д. 81, л. 501. Весьма близкими были отношения С. Д. Шереметева с московским «наместником» великим князем Сергеем Александровичем. Как видно из телеграммы, подписанной адъютантом великого князя В. Ф. Джунковским, он приглашался погостить в имение дяди царя Одинцово с ночевкой (ОР РГБ, ф. 341, кар. 30, д. 18, л. 1—2). Тем более почтителен к нему был московский губернатор Булыгин, регулярно посылавший поздравительные и благодарственные телеграммы (Там же, кар. 27, д. 59).

²⁶ РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 80, л. 209; РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5061, л. 190—191; д. 5050, л. 20—21.

²⁷ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг.//Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 20, 242.

²⁸ РГАДА, ф. 1412, оп. 3, д. 1551, л. 1.

²⁹ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 215, л. 1—2.

³⁰ Государственный архив Смоленской области, ф. 121, оп. 1, д. 1014, л. 64.

³¹ Там же, л. 64, 74; д. 1013, л. 42—43.

Шарапов Сергей. Самодержавие и самоуправление. Берлин, 1899. С. 62. Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений [Б/г, б/м] С. 4—5.

³⁴ См.: Ленин В. И. Соч. Изд. 4. Т. 5. С. 46—48, 60.

³⁵ См.: Шацилло К. Ф. Новое о «Союзе Освобождения». С. 134—135, 136—138; его же. Обзор документальных материалов кружка «Беседа». С. 287—288; Красавин В. С. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В. А. Маклакова. С. 356—357. П. С. Шереметев весьма последовательно стремился сдерживать любые тенденции к расширению сферы земской деятельности и попытки консолидации усилий отдельных земств. Это проявилось, в частности, и при обсуждении вопроса о создании единого общепечатного органа, идея которого, I как уже отмечалось, интенсивно обсуждалась в земских кругах с 1897 г. и встретила решительное противодействие царских чиновников (РГАДА, ф. 1287, оп. 27, д. 325, л. 10). Выступая 12 декабря 1902 г. при очередном обсуждении этого вопроса в Московской губернской земской управе, он заявил о том, что является принципиальным сторонником издания земского органа, но далее утверждал: «...Хотя помещение в нем сведений о деятельности других земств и желательное, но преимущественное, главное внимание должно уделяться в нем деятельности московского земства» «Высказываясь против широкой литературной программы проектируемого органа, — сообщалось в прессе — гр. Шереметев полагал, что программа эта должна быть деловой, так как широкими теоретическими вопросами едва ли следует заниматься земскому собранию. Поэтому самое название периодического органа должно быть изменено: вместо предполагаемого названия «Земское дело» следует назвать «Вестник Московского земства». Под таким названием должен выходить ежемесячно журнал, издание же земской газеты является преждевременным». Предложение П. С. Шереметева о переименовании журнала не вызвало возражений. С ним согласился и председатель Московской губернской земской управы Д. Н. Шипов (Русские ведомости. 1902 г. 13 декабря).

³⁶ РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 81, л. 409.

³⁷ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 18.

³⁸ Корсаков Д. Н. Из воспоминаний о Н. П. Барсукове//Исторический вестник. Т. 108. 1907 Июнь. С. 953.

³⁹ ГА РФ, ф. 1729, оп. 1, д. 318, л. 6, 60.

⁴⁰ Корсаков Д. Н. Указ. соч. С. 953.

⁴¹ Истомин В. К. Николай Платонович Барсуков. М., 1906. С. 3; Глинский Б. Б. Памяти Н. П. Барсукова//Исторический вестник. 1907. Т. 107. 1907 Январь—март. С. 215.

⁴² РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 80, л. 34, 42, 46, 137—140, 237; д. 81. л. 134, 155, 171, 183, 194,

- 196, 324, 352, 359, 414, 428; д. 83, л. 138 и др.; ОР РГБ, ф. 340, карт. Vila, д. 5, л. 45; д. 2, л. 1-2.
- ⁴³ ГА РФ, ф. 1729, оп. 1, д. 320, л. 39.
- ⁴⁴ РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 82, л. 175, 249, 300, 493, 351.
- ⁴⁵ ГА РФ, ф. 1729, оп. 1, д. 318, л. 88.
- ⁴⁶ РГАЛИ, ф. 87; оп. 1, д. 83, л. 772.
- ⁴⁷ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 72, л. 69.
- ⁴⁸ ОР РГБ, ф. 430, карт. Vila, д. 2, л. 6.
- ⁴⁹ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. С. 263.
- ⁵⁰ Московские ведомости. 1899. 25 марта.
- ⁵¹ Там же. 5 мая; 1900. 6, 16, 22, 27, 31 января, 27 февраля. ⁵² Там же. 21 июля, 8 августа, 4 декабря.
- ⁵³ Шацкило К. Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа»... С. 293—294.
- ⁵⁴ Королева Н. Г. Указ. ст. С. 111.
- ⁵⁵ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 35—37.
- ⁵⁶ Там же. С. 40—41.
- ⁵⁷ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. С. 256—259.
- ⁵⁸ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 42—43.
- ⁵⁹ ЦГИА г. Москвы, ф. 380, оп. 4, д. 435, л. 1.
- ⁶⁰ РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 84, л. 262, 263—264, 265; Русское слово. 1905 г. 31 марта 1871, Соловьев О. Б. Указ. соч. С. 162.
- ⁶¹ РГАЛИ, ф. 37, оп. 1, д. 84, л. 266—267.
- ⁶² РГАДА, ф. 1412, оп. 3, д. 583, л. 1, 3, 5, 12, 13; л. 22; д. 635. л. 2.
- ⁶³ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. С. 283.
- ⁶⁴ РГИА, ф. 579, оп. 3, д. 95, л. 5.
- ⁶⁵ РГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 451, л. 12—13.
- ⁶⁶ ЦГИА г. Москвы, ф. 16, оп. 76, д. 447, л. 180.
- ⁶⁷ Русское дело. 1905. 27 августа.
- ⁶⁸ ОР РГБ, карт. 4, д. 25, л. 2—12.
- ⁶⁹ Соловьев О. Б. Указ. соч. С. 164—171.